

экономических отношений, отвечающей требованиям постиндустриального общества. Тип хозяйствования, ориентированный на количественный экономический рост, постепенно уступит место типу хозяйствования, направленному на качественное социально-экономическое развитие.

Примечания

¹ См.: Добрынин Л. И., Дятлов С. А., Цыренова Е. Д. Общественно-исторические аспекты концепции человеческого капитала // Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования. СПб., 1999. С. 7–29.

² Etzioni A. The Active Society. N.Y., 1968. P. 121.

³ Ibid. P. 104.

⁴ Снесар В. И. Всеобщность и смысл закона // Закон возрастания роли культуры. Саратов, 1998. С. 27.

⁵ Fukuyama F. Trust: the social virtues and the creation of prosperity. L., 1995.

⁶ Критский М. М. Человеческий капитал. Л., 1991. С. 4.

⁷ Добрынин А. И., Дятлов С. А., Коннов В. А., Курганский С. А. Производительные силы человека: структура и формы проявления. СПб., 1993. С. 4.

⁸ Thurow L. Investment in Human Capital. Belmont, 1970. P. 104.

⁹ См.: Dube S. C. Modernization and Development: the Search for Alternative Paradigm (Socio-cultural development alternatives in a changing world). Tokio, 1988. P. 2; Allahar A. L. Sociology and the Periphery. Theories and Issues. Toronto, 1989. P. 63; Comparative Modernization / Cyril E. Black. (ed.). Free Press, 1976.

¹⁰ Бузгалин А., Калганов А. Человек, рынок и капитал в экономике XXI века // Вопросы экономики. 2006. № 3. С. 138.

¹¹ См.: Устиян И. Политэкономические принципы петровской эпохи // Экономист. 2006. № 3. С. 76.

¹² См.: Латин Н. И. Как чувствуют себя и к чему стремятся граждане России // СОЦИС. 2003. № 6. С. 79.

¹³ См.: Patterns of Modernity V. II. Beyond the West / S. N. Eisenstadt. (ed.). N. Y., 1987. P. 57–59.

¹⁴ Иванченко В. К. К новым социальным императивам России // Вопросы экономики. 2008. № 2. С. 113.

¹⁵ См.: Николаева Д. Экономический рост в пользу богатых // Коммерсант. 2008. 12 февр.

¹⁶ См.: Левашиов В. К. Гражданское общество и демократическое государство в России // Социс. 2006. № 1. С. 13.

¹⁷ См.: Ясин Е. Модернизация и общество // Вопросы экономики. 2007. № 5. С. 17.

¹⁸ Львов Д. С. Экономика и жизненный мир человека // Рос. газ. 2006. 19 мая.

Слово молодым социологам

УДК 316.3:91+929

Л. И. Мечников о роли географического фактора в развитии общества

Е. Н. Горина

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

В статье раскрывается сущность социологической концепции выдающегося русского ученого и политического деятеля Л. И. Мечникова. Особое внимание уделяется проблеме географического детерминизма и роли природных условий в генезисе и развитии цивилизации.

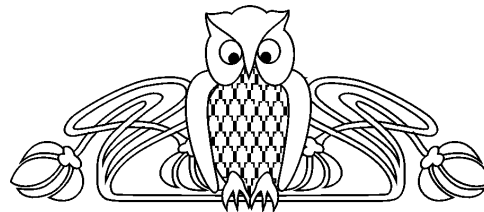
Ключевые слова: Л. И. Мечников, географический фактор, общество, прогресс, цивилизация.

L. I. Mechnikov about the Role of Geographic Factor in the Development of Society

E. N. Gorina

The article discloses the essence of sociological concept of an outstanding Russian scientist and political figure L. I. Mechnikov. Special attention is paid to geographic determinism and role of environmental conditions in genesis and development of civilization.

Key words: L. I. Mechnikov, geographic factor, society, progress, civilization.

Жизнь и творческое наследие Льва Ильича Мечникова (1838–1888) до сих пор фактически не изучены с той глубиной и тщательностью, которых они, несомненно, заслуживают. Он воплотил в себе характернейшую черту русской интеллигенции: бескорыстное стремление к истине в сочетании с политическим радикализмом (что при ближайшем рассмотрении оказывается оборотной стороной пафоса «научности»). Крупнейший идеолог марксизма Г. В. Плеханов писал, что Мечников был одним «из самых замечательных и самых симпатичных представителей того поколения шестидесятых годов, которому много обязана наша общественная жизнь, наша наука и литература... Забывать таких людей, как Л. И. Мечников, – замечает Плеханов, – было бы совсем непростительно»¹. А между тем приходится констатировать, что имя Мечникова

на протяжении длительного времени, в период господства марксистско-ленинской идеологии, было предано прочному забвению, а если его теория и упоминалась иногда, то обыкновенно сопровождалась пренебрежительными эпитетами («устаревшая», «ненаучная»). Вероятно, это можно объяснить тем, что географическая школа в социологии по укоренившейся традиции изображалась только как «буржуазное», «антинаучное» направление, преследующее реакционные политические цели.

На самом же деле географическое направление в социологии было и остается неоднозначным. Наряду с обоснованием социального и расового неравенства (это связано с некоторыми одиозными направлениями геополитики) этот комплекс социологических теорий включает в себе возможность иного, гуманистического истолкования тенденций общественной жизни. Созданные много лет назад, эти теории содержат интересные наблюдения и глубокие выводы, не утратившие значения и в наши дни. Последнее как раз и подтверждается внимательным и непредвзятым изучением трудов выдающегося русского социолога.

Л. И. Мечников, старший брат известного ученого-биолога Ильи Ильича Мечникова, был выходцем из старинной, но обедневшей дворянской семьи. После учебы в гимназии и домашнего обучения в 1855 г. поступил в Харьковский университет на медицинский факультет, но уже в 1856 г. переехал в Петербург, где слушал лекции в Военно-медицинской академии, на физико-математическом факультете университета, а также и в Академии художеств, видя свое призвание еще и в живописи. Но не это главное, писал Мечников родным: «Я взялся за изучение персидского, турецкого и арабского языков и, честно говоря, сделал заметные успехи»². Но одной учебы ему было мало. Беспокойная и мечтательная натура звала его к активной деятельности, к приключениям, увлекала все дальше и дальше от родного дома. Бросив обе академии и университет, он уезжает на Ближний Восток в качестве переводчика русской дипломатической миссии. С этого времени в жизни Мечникова начинается долгая пора скитаний по странам Востока и Запада. Постоянно нуждаясь, в поисках средств к существованию, он переменял много родов занятий и побывал чуть ли не во всех частях света. Это способствовало его знакомству с обычаями, нравами, общественным устройством многих стран мира.

В 1860 г. Мечников оказался в Италии, где, как он писал впоследствии, «решил надеть красную рубаху гарибальдийского офицера». В качестве лейтенанта армии Гарибальди он участвовал в освобождении Неаполя. В победоносной для гарибальдийцев битве у реки Вольтурно Мечников был тяжело ранен. После выздоровления он ищет для себя новое поприще активной деятельности и находит его в журналистике.

В 60–80-е гг. Мечников сотрудничает в «Современнике», «Отечественных записках», «Русском богатстве» и других изданиях демократического и либерального направления. Он знакомится со всеми видными представителями русской эмиграции, печатает статьи в «Колоколе» Герцена, встречается с Плехановым, но более всего сближается с Бакуниным и Кропоткиным, глубоко воспринимая идеи анархизма. В 1874–1876 гг. Мечников преподавал русский язык в Японии. Свои впечатления об этой, тогда еще мало известной европейцам стране, он изложил в фундаментальном труде «Японская империя» и ряде статей, которые создали ему имя среди географов и вызвали огромный интерес не только в научных трудах, но и среди широкой европейской общественности.

В 70-е гг. Мечников почти целиком уходит в науку. К этому времени он сложился как разносторонне образованный ученый, владевший к тому же десятком европейских и несколькими восточными языками. Его научная «продукция» того периода огромна. «Громадные умственные данные, блестящая, феноменальная память, необычайное трудолюбие и замечательные способности усвоения фактического материала, – пишет биограф Мечникова, – давали ему возможность исполнять единолично такую гигантскую работу, какой хватило бы на несколько обыкновенных работников, трудящихся исподволь и поменьку»³.

Последние годы жизни, будучи профессором Невшательской академии наук (в Швейцарии), Мечников посвятил усиленной работе над трактатом «Цивилизация и великие исторические реки», в котором изложил свою социологическую концепцию. Благодаря этой книге, завершить которую автору помешала преждевременная смерть, Мечников навсегда вошел в историю отечественной социологии как основатель оригинального направления. Можно сказать, что он начал создавать новую научную школу, но «безжалостный рок не отпустил ему еще несколько лет на возможно более полное оформление своих взглядов, на пропаганду, на подготовку учеников. Причисление же его идей то к географическому детерминизму, то к географическому направлению в социологии, – считает современный исследователь творчества Мечникова, – всего лишь удавшаяся на многие годы попытка втиснуть что-то не совсем понятное в готовую классификацию. Между тем прошло достаточно лет, и видно, что концепция мировой истории, предложенная Мечниковым, есть синтетическое обозначение многих ответов на вопросы человечества, имеющие вневременной характер»⁴.

Жизненные впечатления и наблюдения, результаты глубокого анализа социальных учений и личного общения с многими общественными деятелями-революционерами, демократами, либералами, раздумья над острыми проблемами эпохи – все это стало гносеологической базой

концепции Мечникова. Цементирующей ее методологической основой явилась сложившаяся в третьей четверти XIX в. система взглядов и принципов анархизма. Мечников видел и ценил в этой доктрине прежде всего призыв и волю к освобождению человечества. Наблюдая бедственное положение трудящегося большинства народа во всех концах света, он горячо воспринял первый коренной принцип анархизма: беспощадная критика и категорическое отрицание государства как чиновничье-бюрократической машины, поработавшей и личность, и общество. Но не менее страстно Мечников исповедовал и другой – позитивный принцип этого учения: свободный труд, постоянное творчество, стремление к новому и неизведанному.

Поборник реального гуманизма, Л. И. Мечников верил в безграничную мощь человеческого разума, науки, был непоколебимо убежден, что настанет светлое будущее для всего человечества, для всех людей. Но это не была лишь абстрактная, романтическая мечта (хотя ему, особенно в молодости, не были чужды романтические, революционные порывы и устремления). Как и многие другие выдающиеся мыслители-гуманисты, Мечников стремился найти для этой великой идеи прочное научное обоснование. Отдавая дань набирающим тогда силу позитивистским представлениям, изложив своей социологической концепции он начинает с анализа понятия «прогресс». «Человеческая история, лишенная идеи прогресса, – утверждает Мечников, – представляет лишь бессмысленную смену событий, вечный прилив и отлив случайных явлений, которые не укладываются в рамки общего мировоззрения»⁵.

Сама идея признания закономерного характера развития человеческой истории была, безусловно, важной и позитивной, она являлась предпосылкой всех социологических изысканий Мечникова. Но путь к открытию этих закономерностей оказался не так прост. Как естествоиспытатель, он понимал, что в социологии должен применяться такой же строгий и лишенный субъективизма метод исследования, как в естествознании. Как социолог он ставил перед собой задачу создания теории прогресса, которая явилась бы «ариадниной нитью» в запутанном лабиринте исторических фактов.

По какому признаку можно констатировать прогресс в истории? В чем состоит прогресс? Несомненным доказательством прогресса в истории является, по Мечникову, «непрерывная эволюция социальной связи между людьми и факт нарастания общечеловеческой солидарности». Только эти факты, по его мнению, и «заслуживают быть признанными в качестве критерия и признака общественного прогресса»⁶. Сначала в обществе связи устанавливаются принудительно или «чисто механически», затем они становятся более тесными и «органичными» и, в конце концов, неизбежно выливаются в форму «свободного союза».

Под влиянием каких внешних или внутренних причин происходило развитие и усложнение этих общественных связей? Для ответа на этот вопрос Мечников и обращается к выяснению роли географического фактора в процессе социальной эволюции. Изучение этого фактора не было новостью в социологии. Как известно, такой взгляд зародился еще в глубокой древности, а в Новое время в той или иной форме его разделяли Монтескье, Бокль, Риттер, Ратцель, Реклю и многие другие. Одобряя общее направление географической социологии, Мечников, однако, подчеркивал, что он не является сторонником «географического фатализма, провозглашающего наперекор фактам, что данная совокупность физико-географических условий играет и должна всюду играть одну и ту же неизменную роль. Нет, речь идет только о том, чтобы установить историческую ценность этих условий и изменчивость этой ценности в течение веков и на разных ступенях цивилизации»⁷.

Мечников был вполне солидарен с мнением своего друга и соратника, французского учено-географа Элизе Реклю о том, что «географическая среда не оказывает своего влияния в одинаковой степени всегда и постоянно. Ее влияние не происходит с фатальной необходимостью»⁸. Причины возникновения объединений людей и их последующей эволюции, считал Мечников, нужно искать «не в самой среде, а в соотношениях между средой и способностью населяющих эту среду людей к кооперации и солидарности»⁹. Таким образом, он не останавливался только на провозглашении того, что природная среда влияет на общество, но идет гораздо дальше. Он пытается, – и это, пожалуй, самое важное в его теории, – раскрыть механизм взаимодействия между обществом и природой.

Оригинальность концепции Л. И. Мечникова заключается в том, что он впервые обратил должное внимание на роль гидросферы (водной среды) в процессах социогенеза. Не следует видеть основную причину зарождения первичной цивилизации в климатических условиях (по Монтескье), нельзя ее усматривать и в плодородии почвы, как думал Бокль, относительно деспотий Древнего Востока. Конечно, соглашался Мечников, плодородие почвы имело огромное значение, но не оно было решающим фактором формирования древних цивилизаций, возникших в долинах великих исторических рек.

«С нашей точки зрения, – писал Мечников, – основной причиной зарождения и развития цивилизации являются реки. Река во всякой стране является как бы выражением живого синтеза, всей совокупности физико-географических условий: и климата, и почвы, и рельефа земной поверхности, и геологического строения данной области»¹⁰. И далее он подробно разъясняет, в чем конкретно заключается стимулирующая роль таких рек, как Нил в Египте, Тигр и Евфрат в Месопотамии, Инд и Ганг в Индии, Хуанхэ и Янцзы в Китае. Причем, как отмечает Меч-

ников, это не самые большие и многоводные реки нашей планеты. «Беглый обзор поверхности земного шара вполне достаточен для того, чтобы понять, что историческое значение рек отнюдь не пропорционально длине их течения или массе приносимой ими воды. Скорее даже можно было бы утверждать, что наиболее мощные реки до сих пор почти не играли заметной исторической роли. Правда, река Нил находится в числе гигантов речного мира, но лишь по своей длине, а не по количеству воды. По длине Нил следует тотчас же за Миссисипи – Миссури, не имеющей почти никакого значения в истории... Река Евфрат, если даже считать ее вместе с ее притоком Мурад-чаем [Мурат], все же является пигмеем в сравнении с Амазонкой, а из двух исторических рек Китая именно меньшую по справедливости следует считать творцом китайской цивилизации. Более длинная, чем Хуанхэ, Янцзы не достигает, однако, величины многих сибирских рек, которые, невзирая на это, играют весьма скромную роль в истории цивилизации»¹¹.

Почему же в долинах многих великих рек, где налицо весьма благоприятные для человека природные условия, не отмечены вошедшие в историю очаги цивилизации? Мечников объясняет это следующим образом: «Великая сибирская река Амур, впадающая в Тихий океан, лишена многих неудобств больших северных сибирских рек, но тем не менее Амур не сделался очагом цивилизации, хотя в некоторых местах его течения плодородие почвы почти баснословно и его вековые леса с приречной долиной могли бы стать раем для охотников, рыболовов и даже для земледельцев. Енисей в верхнем своем течении представляет нам, точно так же как и его громадный приток Ангара, любопытный образец географической среды, в некоторых отношениях, быть может, слишком благоприятствующей человеку и вследствие этого непригодной для развития и прогресса цивилизации. Дело в том, что слишком благоприятные и удобные условия позволяют обитателям данной географической среды задерживаться на низших ступенях развития и оставаться целые века в состоянии бродячих земледельцев, довольствующихся только новой, неистощенной землей. Вознаграждая слишком щедро отдельных, живущих изолированной жизнью людей, такие благоприятные условия не имеют в себе стимула к координированию отдельных условий в нечто сложное, обобщественное, не заставляют человека переходить к высшим формам солидарности, составляющим необходимое условие исторического развития»¹².

Выходит, что ценность и полезность рек зависели не только от их природных данных, но и от самого человека, от того, как он, объединившись с другими людьми, умел использовать реки для обеспечения своей жизнедеятельности.

С первых шагов цивилизации Нил в Египте, Тигр и Евфрат в Месопотамии и другие исторические реки наложили на жителей, населяющих их берега, своего рода «ярмо исторической необходимости» – необходимости единения и совместного труда. «Исторические реки, – писал Мечников, – эти великие воспитатели человечества, как мы уже сказали выше, не выдаются среди прочих рек мощностью объема своих вод. Нил, например, приносит в море воды в три раза меньше, чем Дунай. Но все эти реки обладают зато одной замечательной характерной чертой, способной объяснить секрет их выдающейся исторической роли: все они обращают орошаемые ими области то в плодородные житницы, питающие миллионы людей за труд нескольких дней, то в заразные болота, усеянные трупами бесчисленных жертв. Специфическая географическая среда этих рек могла быть обращена на пользу человека лишь коллективным, сурово дисциплинированным трудом больших народных масс... Под страхом неминуемой смерти река-кормилица заставляла население соединять свои усилия на общей работе, учила солидарности, хотя бы в действительности отдельные группы населения ненавидели друг друга. Река налажала на каждого отдельного члена общества некоторую часть общественной работы, полезность которой познавалась впоследствии, а вначале бывала непонятна большинству»¹³.

Ученый показывает, что сама природа ставила перед жителями орошаемых долин альтернативу: смерть или солидарность. Другого выбора у них не было. Зависимость земледелия от разливов рек, необходимость возведения сложных ирригационных сооружений и управления ими толкали большие массы людей на путь кооперации, ибо только благодаря коллективному, строго дисциплинированному труду в огромных масштабах можно было сколько-нибудь рационально организовать жизнь и обеспечить нормальную жизнедеятельность членов общества.

Подробно излагая особенности «речного периода», когда зарождаются первые великие цивилизации, Мечников схематично набрасывает основные черты следующих этапов – «морского» и «океанического». Закономерность социальной эволюции проявляется, по его мнению, в том, что цивилизации, возникшие на берегах великих рек, постепенно расширяются, охватывают побережья морей и, наконец, выходят на простор океанов, которые теперь уже не разделяют, а напротив, объединяют страны и народы. В соответствии с этими тремя периодами Мечников рассматривает и изменение форм социально-политической жизни, на которые объективно воздействовала географическая среда.

Можно соглашаться или не соглашаться с аргументами Мечникова. Его концепция не бесспорна, но методологическая ценность ее не подлежит сомнению. В книге Мечникова, как писал

выдающийся русский историк П. Г. Виноградов, «отразилась трагическая судьба автора, горячего, смелого искателя правды, никогда не умевшего соизмерять цели и средства, всегда стремившегося к высшему и недостижимому, растратившего блестящий талант, кипучую энергию на бесстрашную и бесплодную борьбу с исторической судьбой...». В последней работе умиравшего человека, отмечает Виноградов, «чувствуется какая-то необыкновенная молодость и жизненность»¹⁴.

Действительно, интеллектуальный и методологический потенциал трудов Мечникова до сих пор не исчерпан, многие его концептуальные положения и выводы не утратили актуальность и в наши дни. Весьма злободневно звучит ныне мысль Мечникова, высказанная им в беседе с Э. Реклю: «Что нужно делать, чтобы победить все враждебные человеку условия и сделать возможной на Земле счастливую жизнь? Каким образом можно обосновать действительно научную мораль, выполнение которой способно наполнить нас чувством радости и удовлетворения? Единственный путь, который открывается перед человеком – это объединить свои усилия с усилиями других людей, чтобы совместно победить силы природы и направить их на служение новому обществу, построенному на принципах справедливости и взаимного уважения»¹⁵.

Эти и другие идеи выдающегося ученого заслуживают дальнейшего глубокого и всестороннего изучения.

УДК 316.6

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Л. В. Яикова

Институт социологии РАН, Москва
E-mail: lyaikova@yandex.ru

В статье анализируются проблемы, связанные с социологическим осмыслением феномена предпринимательства, подчеркивается значимость конкретного деятельностно-активистского подхода в зарубежной и отечественной социологии.

Ключевые слова: предпринимательство, предприниматель, инновативность.

The Sociological Interpretation of the Enterprise Phenomenon

L. V. Yaikova

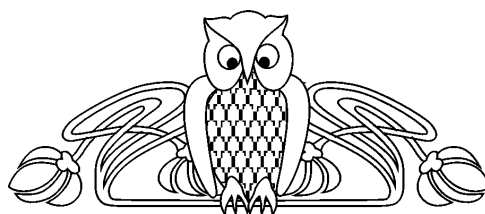
The article is devoted to the analyses of the problems connected with the sociological interpretation of the enterprise phenomenon. The importance of the activity approach in foreign and Russian sociology is stressed.

Key words: enterprising, enterpriser, innovative activity.

Среди множества подходов, применяемых теоретиками социологии к анализу изменяющейся

Примечания

- ¹ Плеханов Г. В. Сочинения. М.; Пг., 1923. Т. VII. С. 329, 331.
- ² Карташова К. С. Дороги Льва Мечникова. М., 1981. С. 8.
- ³ Гродецкий М. Л. И. Мечников (биографический очерк) // Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки: Географическая теория развития современного общества. СПб., 1898. С. V.
- ⁴ Евдокимов В. И. Предисловие // Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. Статьи. М., 1995. С. 27–28.
- ⁵ Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. Статьи. М., 1995. С. 232.
- ⁶ Там же. С. 235.
- ⁷ Там же. С. 323.
- ⁸ Реклю Э. Предисловие // Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. Статьи. М., 1995. С. 227.
- ⁹ Мечников Л. И. Цивилизация... М., 1995. С. 262.
- ¹⁰ Там же. С. 355.
- ¹¹ Там же. С. 356.
- ¹² Там же. С. 357–358.
- ¹³ Там же. С. 358–359.
- ¹⁴ Виноградов П. Г. Влияние рек на происхождение цивилизаций // Северный вестник. 1892. № 6. С. 34, 44.
- ¹⁵ Реклю Э. Указ. соч. С. 221.

социальной реальности, все большее распространение получает деятельностно-активистский подход. Основной принцип, развиваемый в рамках данного типа методологической ориентации, восходит к формуле К. Маркса «о том, что люди, рождаюсь при одних условиях, своей практической деятельностью их изменяют, изменяясь, сами»¹. Развитие такого подхода в зарубежной социологии связывают с именами Дж. Александера (проект культурной социологии), М. Арчер (концепция двойного морфогенеза), П. Бурдьё (конструктивистский структурализм), Э. Гидденса (теория структурации), А. Турена (модель активистской социологии), П. Штомпки (теории становления общества), Н. Элиаса (теория фигураций) и др. Положения активистской социологии в России развивают Т.И. Заславская, С.А. Кравченко, В.А. Ядов и др. Сторонники указанного подхода в своих работах основное внимание сосредото-